

ИТАЛЬЯНСКОЕ МАКАРЕНКОВЕДЕНИЕ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

После Второй мировой войны в большинстве западных стран, только что освобождённых от нацизма и фашизма, возник особый интерес к педагогическому и воспитательному наследию Антона Семёновича Макаренко. Интересно, что именно в Италии, которая в XX веке длительное время была образцовым фашистским государством, появились первые научные статьи и произведения о великом педагоге. Рассказ об итальянском варианте макаренковедения я начну с трёх периодов, трёх «вех» в его истории.

Первая веха: Макаренко в фокусе внимания идеологий

**Эмилиано
Меттини,**

магистр философии
университета
г. Пизы (Италия),
член
Международной
Макаренковской
ассоциации

Первый и самый интересный период итальянского макаренковедения, можно сказать его «титаническая эпоха», занял примерно 20 лет — с 1955-го до середины 1970-х годов.

Макаренко стал известен в Италии и других западных странах благодаря Джузеппе Берти, члену итальянской антифашистской эмиграции. В 1934—1935 гг. он побывал в Советском Союзе и встречался с Антоном Семёновичем, который произвёл на молодого итальянца неизгладимое впечатление. Такое же впечатление произвёл педагог и на итальянских исследователей, разделяющих иные политические идеологические установки. Первые статьи о Макаренко опубликовали известные в то время исследователи: Джованни Мариа Бертин — представитель интеллектуалов «блока правых сил» и Дина Бертони Йовине — коммунистка, первая женщина, получившая в Италии звание профессора. Статья Бертина была опубликована в 1950 году. Несмотря на некоторые «католические предубеждения», он был первым, кто высоко оценил понятие «коллектив» и «перспективные линии». По этому поводу Бертин писал: «Важный пример педагогики-заботы... это — воспитание «открытых горизонтов», через которое личность формируется вместе с обществом, без искусственности активизма». Кроме того, «через перспективные линии, можно избежать искусственности морального воспитания, которое невнимательно и небрежно изучает конкретные условия аффективной и культурной жизни ребёнка». О том же идёт речь в статье, написанной Диной Бертони Йовине «Педагогика А.С. Макаренко», которая была опубликована в журнале «Бельфагор» в 1955 г. Дина Бертони сделала акцент на новаторстве Антона Семёновича. Она проанализировала его сочинения и пришла к выводу, что опыт Антона Семёновича (воспитательный и перевоспитательный) — самый яркий пример демократического воспитания в истории мировой педагогики. И прежде всего пример создания нового мира, исходный пункт которого — Человек с большой буквы. Дина Бертони Йовине также отмечала, что Антон Семёнович Макаренко обладал большим поэтическим и писательским талантом.

Об интересе к педагогу итальянских исследователей свидетельствует также вступительная статья к первому изданию «Педагогической поэмы» (1952) Лунио Ломбардо Радиче. В ней говорится, что новаторский опыт Макаренко, опровергающий как авторитарное, так и свободное воспитание, совершил «революцию Коперника» в области педагогики. Таким образом, Ломбардо Радиче отказывался от ведущих в то время

педагогических теорий и констатировал, что, наконец-то дети стали «субъектами» воспитания, а не его «объектами».

При внимательном прочтении вступительной статьи угадывается скрытая полемика автора с педагогикой и воспитанием «по Монтессори» (прототип «парной педагогики»), против которой выступал в своё время Антон Семёнович.

После смены фашистского режима в Италии деятели педагогики, так же как в послереволюционной России, были в поисках подходов к созданию новой, реально демократической школы. Поэтому интерес к педагогической системе Антона Семёновича, которая строилась на гуманитарных и демократических ценностях, проявляли как деятели, близкие к итальянской компартии, так и те, кто представлял центристов и правые силы. И эта особенность — межкультурное и межпартийное внимание к педагогическому опыту и писательскому творчеству Макаренко — характерна для итальянского макаренковедения по сей день. Всё это опровергает мнение о том, что в Италии никогда не существовала «школа» макаренковедения. В отличие от Германии — стране также пережившей фашизм, где ещё в 60-е гг. была создана лаборатория Макаренко. Вместе с тем, в этот период была предпринята контратака так называемых «правых», пытающихся доказать сталинизм Антона Семёновича. Самый яркий пример антимакаренковского выступления — статья Джузеппе Негри «Макаренко — инженер человеческих душ» (1954). В ней автор говорит о воспитанниках Макаренко, как о лабораторных мышках, которых подвергали «педагогическим» испытаниям. Апогеем резких выступлений против великого педагога стала статья Берти. Прочитав статью, я процитирую показательную, в этом смысле, строчку: «(В опыте А.С. Макаренко) можно найти настоящие человеческие ценности, сращенные *человеком* Макаренко, ради бесконечной силы любви человека к человеку, как к веществу «вышедшему из рук Творца», хотя такую любовь выражал *товарищ* Макаренко (курсив мой. — Ав-

тор)». Такие слова говорят сами за себя, поэтому комментарии здесь излишни.

К счастью, после статьи Берти такого рода критика прекратилась. Интерес же к Макаренко, напротив, возрастал. И в конце 60-х гг. научная итальянская общественность добилась публикации сокращённого варианта переписки Антона Макаренко с Максимом Горьким, советов родителям из «Книги для родителей» и других трудов. Вступительные статьи к этим сочинениям были написаны очень известными людьми, в том числе уже вышеупомянутым Берти. Собственно говоря, с этих изданий началась история макаренковедения и закончилась его предыстория.

Из публикаций, посвящённых Антону Семёновичу, статья Джоржо Бини «Насколько известен Макаренко в Италии. Обзор итальянской литературы про Макаренко» — особенно интересная и ценная антология итальянского макаренковедения, включающая такие имена, как Казотти, Каталафамо, Манакорда, Берти и Бруно Боллерате, речь о котором пойдёт в следующей главе.

Вторая вежа: «взрослое макаренковедение». Конец идеологиям

В семидесятые годы начинается второй период итальянского макаренковедения (с 70-х по 80-е гг.). Этот этап был деидеологизированым, несмотря на то, что по времени он совпал с волнениями в Европе (студенческие и рабочие протесты против устаревшего буржуазного режима).

В 1971 г. увидела свет первая монография — исследование опыта Антона Семёновича Макаренко, автором которой был Пьетро Брайдо. Автор этой интересной книги отзываясь о Макаренко как о педагоге смелом, решительном, с ясным видением стоящих перед ним целей, неутомимо размышляющем о ценностных ориентирах своей деятельности. «Он создал самую оригинальную и ценную формулу советской педагогики,» — утверждает Пьетро Брайдо. Ценность монографии

Брайдо заключается ещё и в том, что она содержит новые материалы и по истории педагогики (например замечания Гессена), которые повлияли, в частности, на немецкое макаренковедение. Брайдо определил важнейшие аспекты мировоззрения Макаренко и таким образом ему удалось избежать ошибок, характерных для многих авторов, занимавшихся наследием величайшего педагога. Брайдо обращает внимание на смысл, который вкладывает педагог в понятие «работа-забота», как он определяет роль личности в коллективе,

и каким образом вознаграждаются воспитанники за их работу. «Светская религия труда» Макаренко, по мнению Брайдо, сближает Антона Семёновича с социалистами-утопистами, такими, как Сен Симон и с идеалистической философией Гегеля. Хотя Брайдо и не смог определить источники мировоззрения Макаренко, он, в отличие от других иностранных исследователей (например, Зюнкеля из Германии), не рас-

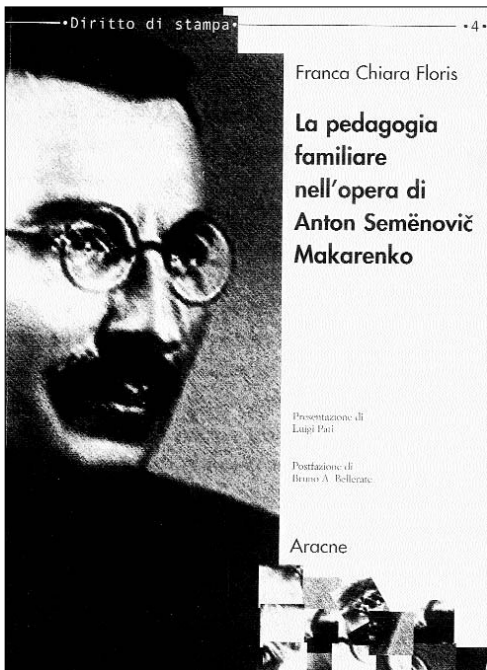
считывал его как марксистское. Особенно важно, что итальянский исследователь считал главным в методе Антона Семёновича взаимный обмен мнениями, чувствами, опытом, как основной аспект ресоциализации личности в обществе. В 70-е гг., благодаря созданию лаборатории «Макаренко — реферат», получил известность другой итальянский исследователь — Бруно Беллерате. Он был первым из наших соотечественников, кто принял участие в международных конференциях и симпозиумах, посвящённых А.С. Макаренко, а также встречался с его младшим братом Виталием. Первые выступления

в печати Беллерате содержали, главным образом, переводы исследований немецких и российских макаренковедов, поэтому они были неоригинальными, однако, полезными.

Собственные же исследования Беллерате продолжают тему, которая так дорога Гётцу Хиллигу: «реальность и фантазия» в сочинениях Воспитателя. В отличие от Георгия Лукача, Беллерате считает, что не всё написанное Макаренко по-настоящему важно для исследователя. По его мнению, последний период творческой деятельности Макаренко протекал под знаком страха, вызванным угрозой ЧК (статус беспартийного лица мог привести к тяжёлым последствиям для его родственников, друзей и воспитанников).

Но существует и диаметрально противоположный взгляд на эту проблему: Антон Семёнович работал при содействии ЧК и, естественно, принимал и использовал карательные методы на педагогическом уровне (Макаренко как атаман беспризорных). Не соглашаясь с этим мнением, которого придерживается вышеупомянутый Негри, надо признать, что свидетельств об истинных чувствах Антона Семёновича, к сожалению, действительно нет. Вообще, исследования итальянского учёного Беллерате интересны и достойны внимания, прежде всего потому, что они обогатили и углубили знания о великом педагоге, касающиеся различных сторон его жизни и деятельности. Так, Беллерате написал очень интересную статью о Макаренко для итальянской педагогической энциклопедии. В целом его полемические публикации позволяли расширить поле деятельности итальянского макаренковедения, так как это была первая серьёзная попытка показать Макаренко внутри его социально-исторической среды. К сожалению, Беллерате, когда ему не удаётся быть убедительным, объясняя поведение Макаренко, становится излишне загадочным.

Помимо Беллерате интерес для нас представляет Никола Сичилиани де Кумис, статьи которого о Макаренко в 1970-х гг.

были опубликованы в журнале «Славия» и в других влиятельных педагогических изданиях. Беллерате и де Кумис будет нашим «мостом», по которому мы придём к третьему периоду итальянского макаренковедения.

Третья вежа: Макаренко и современность

Третий период итальянского макаренковедения начинается в 80-е гг. и продолжается до сегодняшнего дня. Попытку придать новый импульс интересу к опыту Макаренко предприняли Сарраччио, который частично издал «Педагогическую поэму», и Амброзио, опубликовавший статьи о великом педагоге. Однако их попытку нельзя считать удачной, так как она была больше эмоциональной, чем содержательной. Поэтому важнее для нас исследования, посвящённые Антону Семёновичу, Никола Сичилиани де Кумис, которые он проводит в 90-е гг., опираясь на теорию Михаила Бахтина. Следуя этой теории, Никола де Кумис без искусственности и натяжек делает Макаренко «персонажем» одновременно и историческим, и современным. Через голоса героев «Педагогической поэмы» он обнаруживает голос настоящего Макаренко. Таким образом, Никола де Кумис пытается изучить педагогический метод Макаренко через литературу. И это очень интересный ход исследования. Книга «Дети Макаренко» (2003) показывает, что опыт Макаренко, вытекает не из педагогической теории, а из самой жизни. Эту тему продолжает книга «Лекции про Макаренко» Агостино Баньято, который также считает, что литературное творчество Антона Семёновича — это ключ к пониманию его педагогики. «Педагогическая поэма», по его мнению, представляет собой «коллективный ежедневник», отражающий жизнь детей, которые вместе страдали от голода, одиночества, а потом вместе радовались и гордились своими успехами.

Баньято высоко оценил ритуализацию и театрализацию системы Макаренко. Что касается литературного творчества

Антон Семёновича, то его Баньято рассматривал как выходящее за рамки социалистического реализма, представителем которого был Горький. Он полагал, что талант Макаренко сближает его с величайшими русскими писателями, создавшими литературу мирового масштаба. Поэтому Баньято и Сичилиани де Кумис предпринимают попытки, пока безуспешные, издать новый (полный) вариант «Педагогической поэмы». Научная общественность Италии пребывает в недоумении, почему до сих пор не вышла книга, которая содержит такое разнообразие тем и одновременно представляет собой единое по стилю и завершённое литературно произведение.

Среди новых работ, посвящённых Макаренко, самая интересная — дипломная диссертация Ф.К. Флорис, хотя она и считает (во многом под влиянием Беллерате), что деятельность Антона Семёновича протекала под знаком страха. Тем не менее она рассматривает неожиданный аспект педагогики Макаренко — семейное воспитание. Не имея собственных детей, Антон Семёнович стал «родным» отцом для воспитанников колонии.

Но замечательно, что эту роль педагог играет и в конце жизни, работая с благополучными детьми, когда созданная им система воспитания была разрушена. Стать педагогом по семейным отношениям было для Анатолия Семёновича не так просто.

Но в результате он пришёл к выводу, что семья, как и коллектив колонии, — это первичное звено, которое связывает ребёнка с обществом. И именно в семье ребёнок получает первый опыт социализации.

Благодаря А.С. Макаренко Флорис пришла к выводу, что только через коммуникацию семьи и общества можно решать серьёзные психологические проблемы детей. **НО**

